

Быть может, приветливой речью смягчен,
 Растроган, припомнит минувшее он,
 Припомнит, как много суровых невзгод
 Ты вынес, сражаясь за царственный род.
 А если он просьбу твою отметет,
 Тебя недостойным и низким сочтет,
 Свой лук оснасти и вот этой стрелой,
 9130 Для битв закаленную винной струей,
 Цель прямо в глаза ему, обе руки
 Вперед протянув так, как целят стрелки.
 И волей судеб будет меток прицел,
 Ослепнув, герой проклянет свой удел».

Симорг тут прощаться с воителем стал,
 Питомца любимого к сердцу прижал *,
 Вознесся, ликуя, в небесную ширь.
 Глазами его проводил богатырь
 И, жаркий огонь распаливши потом,
 9140 Стрелу поспешил распрямить над огнем,
 Два жала стальных на стрелу насадил,
 И перьями эту стрелу оснастил.

*[Ростем возвращается
 для новой битвы с Исфендиаром]*

Алея, заря над горой занялась,
 И ночь побежденная прочь унеслась.
 Ростем облачился в доспехи бойца
 И долго небесного славил творца,
 Потом пред иранскою ратью предстал
 И звать Исфендьяра на битву он стал.
 Уловкой своею Ростем ободрен,
 9150 И так возглашает с насмешкою он:
 «Эй, долго ли будешь, герой, почивать?
 Ростем уже Рехша успел оседлать.
 От сладкого сна поскорей пробудись,

С Ростемом, стремящимся к мести, схватись!»

Дрожит Исфендьяр от безжалостных тех

Издевок, немил ему бранный доспех.

Сказал Пешутену, тоскою пронзен:

«Воинственным был бы и лев устрашен.

Не думал я, что доберется Ростем

9160 Домой с боевым снаряжением всем.

А Рехш, на котором теперь он сидит,

Давно ль чешуею из стрел был покрыт?

Слышал я, что старый Дестан колдовать

Научен — он с солнцем бы мог совладать!

Колдун бы любой покорился ему,

Ведь то, что стряслось, непостижно уму!»

Ему Пешутен отвечает в слезах:

«Узнать бы врагам твоим горе и страх!

Как бледен ты нынче, разбит, изможден —

9170 Иль ночью бежал от очей твоих сон?

К чему столь жестоко терзать себя вам,

Двум славным и доблестным богатырям!

Не знаю, чью звать мне померкшей звезду —

Ведь жребий нам шлет за бедою беду».

Вот в панцирь герой Исфендьяр облачен,

Навстречу Могучему двинулся он.

Приблизясь к Ростему, во гневе кричит:

«Да будешь ты миром навеки забыт!

Сегзиец презренный, забыть ты успел

9180 Воителя грозного лук и прицел!

Тебя, верно, Заль исцелил колдовством,

Не то не примчался б сюда с торжеством,

Хвастливо меня вызывая на бой,

Истлел бы давно ты в могиле сырой!

Я нынче тебя сокрушу, великан,

И больше тебя не увидит Дестан!»

Ростема ответ услышал Исфендьяр:

«О ты, что в бою ненасытен и яр,
Зря сердце и разум ввергаешь во тьму,
9190 Побойся Йездана, прибегни к нему!
Я нынче сюда не для мести спешил,
О нет, ради мира и чести спешил!
Враждуешь со мной ты неправедно, знай,
Ты правду от разума не заслоняй.
Зердештом и верою нам дорогой,
Огнем благодатным, Авестой благой,
Сиянием лунным и солнца лучом
Тебя заклинаю, расстанься с мечом,
Протянутой мной не отвергни руки!
9200 Коварству и злобе чужой вопреки
Приди, за столом моим мирно воссядь,
Рад буду тебе я во всем угождать.
Сокровищниц древних врата отомкну
И ту, что веками копила, казну
На лучших своих я навьючу коней,
Пусть примет сокровища твой казначей!
Я вместе с тобой тут же в путь устремлюсь,
По воле твоей к властелину явлюсь.
Захочет он — пусть меня тотчас убьет
9210 Иль в тяжкие цепи пускай закует!
Припомни мыслителей древних завет:
Спознавшись со злом, не избежнешь ты бед.
Поверь мне, что жажду я лишь одного —
Дух брани из сердца изгнать твоего».
Ответ был: «Муж брани я, не проведешь
Меня ты, напрасны уловки и ложь!
Доколе про гостеприимство твердить,
Мир зря приукрашивать, превозносить!
Когда ты желаешь остаться в живых —
9220 Не должен от пут уклоняться моих».
И вновь раскрывает уста исполин:

«Неправых речей не веди, властелин!
Беды в поединке бы ты не избег,
Меня бы позором покрыл он навек.
Венцы и уборы царей, Исфендьяр,
Алмазы несчетные дам тебе в дар.
Рабов молодых тебе тысячу дам,
Глядеть на которых — отрада глазам.
Дам сотни карлукских невольниц — под стать
9230 Венцам на красавицах этих блистать!
Богатства отца — сколько б ни было их *, —
О славный, у ног я рассыплю твоих.
Еще приведу я кабульских мужей,
Достойных сражаться под властью твоей,
Готовых служить неустанно тебе,
Обречь твоих недругов горькой судьбе.
Пойду за тобою смиренным слугой,
Пред мстительным шахом предстану с тобой.
Ты к сердцу не дай злему диву найти
9240 Лазейку и ненависть прочь отмети!
Все кары другие доступны тебе —
Глухим ты к моей не останься мольбе!
Ведь след от твоих беспощадных оков
Меня б обесчестил на веки веков!»
Ответил Ростему дружины глава:
«Доколь расточать понапрасну слова!
Велишь мне послушаться, вспомни, кого —
Глубокого старца, отца моего,
Владыки Ирана! Коль это б свершил,
9250 То против Йездана бы я согрешил.
Иль пути надень, иль на бой выходи —
Других ты со мною речей не веди!»

[Ростем стреляет в глаза Исфендиару]

Поняв, что глухим остается к мольбе
 Царевич, Ростем покорился судьбе.
 Он лук тетивой оснастил и стрелой,
 Для битв закаленною винной струей,
 И взоры с мольбой обратив в небосклон,
 К Йездану взывает, душой удручен:
 «Создатель земли и небесных светил,
 9260 Податель отваги и знанья, и сил!
 Моей ты души просветленье узрел,
 Терпенье и к дружбе стремленье узрел.
 Как силился мир я меж нас водворить,
 От битвы царевича отговорить!
 И все ж говорит он со мной языком
 Насилья, к жестокой лишь брани влеком.
 Меня не карай, нет моей здесь вины,
 О звезд повелитель, владыка луны *!»
 Герой Исфендьяр, увидав между тем,
 9270 Что медлит начать поединок Ростем,
 Воскликнул: «Эй, витязь, когда же к борьбе
 Приступишь! Знать, брань не под силу тебе.
 Сейчас ты увидишь Гоштаспа прицел,
 Льва доблесть и силу Лохрасповых стрел!»
 Тут быстро Ростем тетиву натянул,
 Стрелу по наказу Симорга метнул.
 Двужалая в очи вонзилась стрела
 Герою, и тотчас застлала их мгла.
 Согнулся вдруг стан кипариса того,
 9280 Покинули чувства и силы его.
 И доблестный воин поник головой,
 И, лук уронивши испытанный свой,
 Он к гриве коня вороного припал;
 От крови бойца прах рубиновым стал.

Сказал богатырь Исфендьяру: «Ты зло
Посеял, и жатву оно принесло.
Ты неуязвимым себя окрестил,
„Бить небом о землю я в силах!“ — твердил.
И что же, одною стрелой обращен
9290 Ты вспять, к своему скакуну пригвожден!
Сейчас головою падешь ты во прах,
И мать над тобою забьется в слезах».
И в то же мгновение царь молодой
Упал с вороного во прах головой
И долго простерт был, сознания лишен,
Потом приподнялся, опомнился он,
Стрелу за конец ухватил, из очей
Извлек, и кровавый тут хлынул ручей.
Тотчас до Бехмена известье дошло
9300 О том, что постигло родителя зло.
Придя к Пешутену, стонает он: «Бой
Окончен, узнай же исход роковой:
Без чувств, недвижимый, лежит сипехбед,
Стал ныне могилой для нас белый свет!»
И оба, с дружиной своей разлучась,
Пустились бежать к исполину тотчас.
Лежит он, глаза затуманила мгла
Кровавая, в стиснутых пальцах стрела.
Стал рвать Пешутен одеянья в слезах,
9310 Рыдает и сыплет на голову прах.
Бехмен, убиваясь, к герою прильнул,
В горячую кровь он лицо окунул.
Воззвал Пешутен: «Кто из мудрых, благих
Сумел разгадать тайну судеб людских!
Столь славный и праведный Исфендиар,
Что веры врагам смертоносный удар
Нанес и очистил от идолов свет,
Благим не чинил притеснений и бед, —

- Сражен в молодых и цветущих летах,
 9320 Главою державною рухнул во прах!
 А как поглядишь — бессердечный злодей,
 Источник несчастий и мук для людей,
 Беспечно и долго на свете живет,
 Не зная поражений, не встретив невзгод!»
 В объятия взяли отца сыновья
 И кровь отирать стали, слезы лия.
 Над ним Пешутена стенанья звучат,
 Рекою льет слезы кровавые брат.
 Взывает: «Увы, Исфендьяр-исполин,
 9330 Из древнего рода герой-властелин!
 Кто сдвинуть решился сей грозный утес,
 Кто гордому льву поражение нанес?
 Кто бивень слона боевого извлек,
 Кто с Нилом бушующим справиться смог?
 Чьим глазом дурным тебе вред причинен?
 Да будет злодей лютой карой сражен!
 Где сила твоя, о воинственный вождь,
 Где разум и вера, и доблесть, и мощь!
 В час битвы где пыл и уменье твое?
 9340 В час пира где звучное пенье твое?
 От нечисти мир ты избавил мечом,
 Не дрогнув, сражался ты с дивом и львом.
 Как время настало добычу считать,
 Могилы добычею должен ты стать».
 Ему Исфендьяр, умудренный герой,
 Ответил: «О муж просвещенный, благой!
 Не плачь надо мною, себя не терзай,
 Так было мне роком начертано, знай.
 Не всем ли в земле суждено почивать?
 9350 К чему же теперь обо мне горевать!
 Жизнь, как дуновение, прочь отлетит.
 Где царь Феридун, где Хушенг и Джемшид?

Где все мои гордые предки, скажи, —
Великие, чистые сердцем мужи?
Никто не остался из них на земле,
Черед уступив нам, исчезли во мгле!
Живя в этом мире, как много я сил
И явно и тайно к тому приложил,
Чтоб светочу веры над миром сверкнуть, —
9360 Мне разум указывал к истине путь.
Когда ж я сердцам озаренье принес,
Когда Ахриман пораженье понес —
Злой рок протянул ко мне когти, найти
Не смог я, увы, к избавленью пути*.
На то уповаю, что в светлом раю
Сберу благодатную жатву свою.
Не силой сын Заля меня победил —
Взгляни на стрелу, что в меня он пустил, —
Ничтожный сучок мою жизнь оборвал.
9370 Ростем наущеньям Симорговым внял,
Помог же сему совершиться Дестан,
Постигший давно колдовство и обман».
Лишь эти слова Исфендьяр произнес,
Рыданье Ростема в тиши раздалось.
Могучий печалью безмерной объят*,
И речь его слышит царевича брат:
«Мне лгать запрещает воителя честь.
Что вам он поведал — все правда, как есть.
Весь век мой, должно быть, мне жребий судил
9380 Быть жертвою черных, злокозненных сил.
С тех пор, как воинственным витязем стал,
Не раз я с героями в битву вступал.
Но кто с Исфендьяром сравниться бы мог?
Такой мне еще не встречался ездок.
Тот лук богатырский и силу, и стать
Увидев, не смог я с собой совладать,

Жизнь в жертву свою не хотел принести,
 И стал я искать к избавленью пути.
 Виновник не лук мой — безжалостный рок,
 9390 Истек Исфендьяру отмеренный срок.
 Расстаться с землею ведь всем суждено *,
 От смерти спастись никому не дано.
 Когда бы удача с ним дружбу свела,
 Бессильна была б колдовская стрела.
 Я сам той стрелой роковою сражен,
 Ведь ею на вечный позор обречен».

Сказал Исфендьяр: «Именитый боец!
 Ты видишь, уже недалек мой конец.
 Приблизься без страха, ведь я недвижим.
 9400 Знай, новым желанием я одержим.
 Быть может, завету предсмертному вняв.
 Почтение должное мне оказав *,
 Величием и благородством ведом,
 Желанье мое ты исполнишь потом».

Внял зову Ростем, сожаленьем томим,
 В глубокой печали склонился над ним
 И слезы кровавые льет из очей,
 И в горе стенает над жертвой своей.
 Узнал об исходе той битвы Дестан,
 9410 Смятеньем и горестью он обуян.
 Дворец покидает, как вихрь устремясь
 На поле, за ним Зеваре, Ферамарз,
 Подобно безумным, несутся, и крик
 Им слышен: «Померк солнца ясного лик!»
 Заль, сына увидев, сказал: «О тебе
 Скорблю я сильнее, чем о княжьей судьбе.
 Пророчество помню мобедов святых,
 Благих мудрецов, звездочетов седых:
 Кто жизнь пресечет Исфендьярову, тот *
 9420 От грозной судьбины и сам не уйдет,

Лишенья изведает в мире земном,
Мученья изведает в мире ином».
Сказал Исфендьяр, обращаясь ко всем:
«В несчастье моем неповинен Ростем.
Сбылось только то, чему быть суждено,
Проникнуть нам в тайну небес не дано.
Не птица Симорг мою жизнь отняла,
Ее не Ростема стрела пресекла,
Я волей жестокой Гоштаспа убит —
9430 Его мое сердце не благословит!
„Ступай, — мне сказал он, — весь выжги Систан!
Пусть впредь не сияет Нимруз среди стран.“
Добился, чтоб войско, казна и венец
Достались ему, я ж обрел здесь конец.
О витязь, послушай о сыне моем
Бехмене — советнике, друге благом.
Прими под крыло его, лаской согрей,
Покорен будь воле предсмертной моей.
В Забуле с любовью его посели,
9440 Речам злоязычных врагов не внемли.
Его обучи ты законам боев,
Уставу охоты, обряду пиров,
Учи его царствовать, словом владеть
И по полю в конной потехе лететь.
Джамасп — да постигнет забвенья его *,
Да не улыбнется ему торжество! —
Предсказывал встарь, что, наследуя мне,
Со славой Бехмен воцарится в стране».
Ростем, это выслушав, с места вскочив *
9450 И правую руку к груди приложив,
Поклялся: «Твоих не отрину я слов,
Их жизни ценою исполнить готов!
На трон возведу я Бехмена царем,
Его увенчаю державным венцом».

Лишь выслушал эти благие слова,
Сказал Исфендьяр: «О героев глава!
Я знаю — свидетель всевышний Йездан
И вера, которой мой дух осиян, —
Что много на свете добра ты творил,
9460 Властителям древним победы дарил *,
Но слава померкнет твоя с этих пор,
Тебе принесет моя гибель позор.
Верь, сердце мое сожалений полно *,
Но, видно, так было творцом суждено!»
Потом Пешутену сказал исполни:
«Мне нужен отныне лишь саван один.
Как только покину сей бранный приют,
С тобой пусть воители наши уйдут.
Отцу, как вернешься в родимый наш край,
9470 Такие слова от меня передай:
„Достиг своего ты, теперь не ищи
Предлога для жалоб, на рок не ропщи!
Всем миром теперь безраздельно владей *,
Все царства земли под пятою твоей!
Солгал ты, но должно того было ждать,
Коварство душе твоей черной под стать.
Я в правую веру мечом обратил
Народы, я истиной мир осветил,
Открыл я Ирану священный закон,
9480 Мне все предвещало величье и трон.
Посулы давал ты при всех, наставлял
Словами, а втайне на гибель послал.
Сбылись твои замыслы ныне, ликуй,
Землей невозбранно владей, торжествуй!
Ничто не грозит тебе, день сей и час
Отпразднуй в чертоге своем, не скупясь.
Господство — тебе, мне — страданья войны,
В венце ты, мне ж саван и гроб суждены.

Но древние вспомни слова мудреца:
9490 Стрелой будь, и то не уйдешь от конца!
Престол и венец, и казна не спасут,
С тобой будем призваны оба на суд.
Создателем наш разрешен будет спор,
Услышишь тогда роковой приговор!“
Расставшись с отцом, милой матери так
Скажи: мол, пресытился бранью смельчак,
Что в битвах преград на пути не знавал,
Что скалы стальной стрелой пробивал...
Меня не надолго ты переживешь,
9500 Брат милый мой, сердце свое не тревожь.
Собранью лица не являй моего
В гробу, да и сам не гляди на него!
Усиливать боль созерцаньем к чему ж?
Разумный того не одобрил бы муж.
А сестрам моим и любимой жене,
Что были опорой, отрадою мне,
Столь чистым, рожденным на свет для добра,
Скажи: наступила разлуки пора!
Во имя короны отцовской я пал,
9510 Ключом к царским кладям венчанному стал.
К царю, о душа моя, грозно лети,
Ту черную, злобную душу смути!»
Потом прошептал он, вздохнув тяжело:
«Гоштасп причинил мне великое зло!»
И с жизнью растался великий герой,
Поверженный в прах смертоносной стрелой.
Одежды Ростем на себе разодрал
И, голову прахом покрыв, зарыдал,
Взывая: «Пал витязь, герой, исполин,
9520 Внук воина-шаха, властителя сын!
Снискавшего славу, меня средь мужей
Гоштасп опозорил к концу моих дней».

Лил долго он слезы и после сказал:

«О ты, что соперников в мире не знал!

Твой дух пусть блаженство в раю обретет,

Что враг твой посеял, то сам да пожнет!»

Ростема тут брат его предостерег:

«Какой от обетов умершего прок!

Не дремлет злой глаз — возгорится вражда *,

9530 Забулу́ беды не избежать тогда.

Повергший царя Исфендьяра, ты сам

Несчастье вкусишь, поражения срам.

На войско Забула Бехмен нападет,

На старцев Кабула он страх наведет.

Увидишь, на трон лишь успеет он сесть,

Поднимется за Исфендьяра на месть».

Ответ был: «Судьбы обмануть не дано,

Ей зоркий с беспечным подвластны равно.

Тот путь изберу я, что честь мне сулит,

9540 Который избрать мне сам разум велит.

Изменит Бехмен — кару сам понесет,

Зачем ты о бедах твердишь наперед!»

[Пешутен везет к Гоштаспу тело Исфендиара]

И вот уже гроб из железа готов,

Тончайший для савана взят из шелков;

Железо внутри покрывала смола,

Что смешана с амброй душистой была.

Над гробом не молкнут рыданья и стон.

В покров златотканной парчи облачен,

Покоится доблестный в саване том,

9550 Венец бирюзовый блестит над челом.

Вот наглухо гроб заколочен, и нет

Державного кедра, поник в цвете лет!

Ростем сорок лучших верблюдов привести

Велит, из атласа попону принести *.

На первом верблюде гроб царский везут,
С боков и вослед остальные идут.
В грудь бьют себя ратники в горе, в слезах,
Великого имя у всех на устах.
Ведет Пешутен их, злой жребий кляня;
9560 Обрезал он у вороного коня
И гриву, и хвост, опрокинул седло;
Свисает на землю копье тяжело;
Везет вороной шлем и бранный кафтан,
И лук, и стрелами набитый колчан.
Умчались бойцы, а в Забуле один
Остался Бехмен, он во власти кручин.
Ростем его тотчас увел в свой чертог,
Ласкал, наставлял, и, как душу, берег.
Дошло до Гоштаспа-царя, что бедой
9570 Постигнут он, пал его сын молодой!
Одежды Гоштасп на себе изорвал,
Во прах головой венценосною пал.
Стон встал над странюю, люд горем убит,
Везде Исфендьярово имя звучит.
И каждый из славных иранских князей
Венец бросил наземь в знак скорби своей.
Гоштасп возопил: «Витязь веры благой!
Нигде, никому не сравниться с тобой.
Увы, со времен Менучехра-царя
9580 Такого не видели богатыря.
Ты меч обагрил, вере путь проторил,
Лучом благочестия мир озарил!»
Иранские витязи, гнева не скрыв,
О звании царском Гоштаспа забыв,
Вскричали: «Злосчастный, во имя венца
Такого, как Исфендиар, удальца
В Забул ты послал на погибель, а сам
Здесь мыслишь царить! Опостылел ты нам!

Под шахским венцом да сторишь со стыда,
9590 Тебя да покинет благая звезда!»
Ушли, опустел властелина чертог,
И пылью покрылся державный порог*.
Ужасную гибель царя из царей
Не скрыли от матери и дочерей.
Бегут они, в клочьях одежда, и прах
На лицах у них, на плечах, на кудрях.
В слезах Пешутен по дороге степной
Спешит, гроб за ним и скакун вороной.
Приблизившись, был Пешутен окружен
9600 Кольцом обезумевших, плачущих жен.
Те молят: «Ты гроб перед нами раскрой,
Пусть явит нам лик убиенный герой!»
Растерян, печалью безмерной объят,
Не стал с ними спорить погибшего брат,
Призвал кузнецов: «День, знать, судный настал,
Несите же сверла!» — пришедшим сказал.
Гроб тесный раскрыв, видит павшего он.
И вновь из груди рвется горестный стон.
А сестры и мать видят кудри, как смоль,
9610 Лик ясный, и сердце им стиснула боль.
От горя сознание покинуло их,
Застлала печаль очи жен молодых.
Очнувшись, от мертвого оторвались*
И все пред конем вороным собрались,
И гриву, и голову гладят в слезах,
Но мать на коня сыплет в горести прах.
Мол, в гибели Исфендиаровой он
Виновен — на нем был царевич сражен!
Мать стонет: «В бой ныне кого понесешь*».
9620 Кого ты драконьим когтям обречешь!»
Вцепились тут женщины в гриву коня,
Все прахом его осыпают, кляня.

Плач войска не молкнет: «Где наш Руинтен!»
Вступает в палаты царя Пешутен;
Приблизившись, в ноги Гошгаспу не пал,
Престол венцесца не облобызал.
«Глава исполинов! — вскричал, омрачась, —
Уж твой роковой приближается час.
Злодейством беду на себя ты навлек,
9630 Всю землю Ирана несчастьем обрек*.
Рассталась с тобой благодать, трепещи ж!
Ты гнева Йезданова не избежишь.
Хребет ныне сломан, о шах, у тебя,
Лишь ветер остался в руках у тебя.
Для царства пожертвовал сыном родным —
За это будь вечно злым роком гоним!
Немало врагов у тебя на земле,
Не вечно венец сохранишь на челе.
Тебя проклянет и осудит весь свет,
9640 А в мире ином дашь Йездану ответ!»
Умолкнув, к Джамаспу он лик обратил,
«О старец коварный и злой! — возгласил, —
Всегда на устах у тебя только ложь,
Кривыми путями к почету идешь!
Привык разжигать меж царями вражду,
Их сталкивать, кознями сеять беду.
По нраву тебе, недостойный хитрец,
Добро и любовь изгонять из сердец!
На свете посеял ты зло — урожай
9650 Теперь до конца своих дней собирай!
Величье само ты коварством убил,
День витязей славных ты в ночь обратил.
Ты, злобный, причиной несчастья стал,
Преступную шаху стезю указал:
Сказал ты, что жизнь молодого царя
В деснице забульского богатыря!»

И после поведал он, горем объят,
О том, что пред смертью сказал его брат.
И то, что Бехмена герой поручил
9660 Ростему, он также Гоштаспу открыл.
Все выслушав, что завещал его сын,
Раскаялся в том, что свершил, властелин.
В палату, где царь с Пешутеном сидит,
Хомай тут вбегает, с ней Бехаферид.
О брате рыдают, пеняют судьбе
И волосы рвут пред отцом на себе.
«Дела Исфендьяра, о царства глава,
Припомни! — сестер раздаются слова. —
На мщенье за гибель Зерира он встал,
9670 Онагра, не дрогнув, у льва отнимал,
Победно сражался с туранской ордой,
Спас царство твое исполин молодой.
Ты ж, вняв злым наветам, его заточил
И долго в оковах тяжелых томил.
Врагами тогда был убит его дед,
Стал темен для рати твоей белый свет.
Лишь в Балх из Халлоха примчался Эрджасп,
Настал для страны бедствий горестный час.
Нас, бедных затворниц, из башен извлек
9680 Злодей, без покрова в полон уволок.
Убит Нуш-Азер был, муж веры святой,
Иран очутился под вражьей пятой.
Ты видел тогда, что свершал Исфендьяр, —
Врагам наносил за ударом удар.
Проник в Руин-деж, нас тебе возвратил
И край твой, и войско от бед защитил.
Отсюда послал ты героя в Забул,
Посулами, полными лжи, обманул,
Чтоб с жизнью расстался он ради венца,
9690 Чтоб скорбь опалила людские сердца.

Ты сам — не Ростем, не Симорг и не Заль —
 Убийца. Оставь показную печаль,
 Стыдись пред седою своей бородой!
 Пал жертвой корысти твой сын молодой.
 Немало и прежде царило владык,
 Был каждый достоин короны, велик,
 Но смерти никто ведь не предал из них
 Ни сына, ни родичей близких иных!»
 «Встань! — к сыну взмолился Гоштасп, — поскорей
 9700 На горестный пламень моих дочерей
 Пролей утешения влагу!» И тот
 Царевен назад, в их покои ведет.
 Увидя поникшую в горести мать,
 Промолвил он: «Полно о сыне стенать!
 Он радостно в мир удалился иной,
 Ему, знать, чертог опостылел земной.
 Утешься, печаль утоли ты свою,
 Теперь пребывает он в светлом раю».
 И мать назиданиям сына вняла,
 9710 Как зов благочестия их приняла.
 И год еще целый в Иране во всем
 Стенали и плакали ночью и днем
 О том, кто сражен был двужалой стрелой,
 Погиб от уловки Дестановой злой.

[Ростем отсылает Бехмена в Иран]

В ту пору в Забуле Бехмен пребывал,
 Там тешился ловом, вино распивал.
 Ростем его учит страной управлять,
 Скакать на коне, среди мужей пировать*,
 Усердней, чем сына, лелеет его,
 9720 Желая лишь счастья ему одного.
 Увидя, что свой он исполнил обет
 И повода с ним враждовать уже нет

У шаха, письмо ему витязь послал,
 Об Исфендиаре ему рассказал.
 Вначале хвалебную речь он повел
 О тех, кто прощенье вражде предпочел,
 И дальше писал он: «Свидетель творец,
 Свидетель ко благу ведущий мудрец,
 Твой сын Пешутен — Исфендьяра я звал
 9730 Лишь к миру и всячески увещевал.
 Ему предлагал я свой край и престол, —
 Увы, жребий горестный он предпочел!
 Раскаянье гложет меня до сих пор,
 Но видно таков был судьбы приговор!
 Кто власти сурового рока избег?
 Не в силах противиться ей человек.
 Теперь для меня царский сын молодой,
 Поверь, что Хормоз, небожитель святой *,
 Его обучил я искусству царя,
 9740 Исполнил долг совести богатыря.
 Коль милостив будешь, коль дашь мне обет
 Стереть в своем сердце минувшего след, —
 Во власти твоей все мое существо,
 Не жаль и сокровищ, и края всего!»
 Лишь эти дошли до Гоштаспа слова,
 Всех знатных о том облетела молва.
 И тотчас к царю Пешутен поспешил,
 Ростема слова перед ним подтвердил
 Как жарко о мире молил он, казну
 9750 Свою предлагал, и престол, и страну.
 Посланьем Ростема обрадован царь,
 Не стал раздувать пламень, вспыхнувший встарь.
 Он с тем же посланцем ответ возвратил,
 Величья душевного древо возрастил.
 Писал венценосец: «Когда небосвод
 Замыслит беду ниспослать нам с высот,

Ее терпеливо должны мы снести,
Ведь всей нашей мудрости нас не спасти.
Твои мне слова Пешпутен повторил
9760 И скорбное сердце умиротворил.
Над роком не возобладать никому,
Век помнить обиду — противно уму.
Ты тот же, что был, даже выше главой,
В Каниудже и Хинде прославлен молвой.
Все дам я, чего бы ты ни захотел,
И княжеский перстень, и меч, и удел».
Доставил посланье, стремительно мчась,
Гонец, как велел венценосный Гоштасп.
Посланию царскому рад исполнил,
9770 И сброшено тяжкое бремя кручин.
Немалое время потом пронеслось,
И отрок Бехмен исполином возрос.
И знаньем богат он, и ясным умом,
Царей благодать опочила на нем.
И было Джамаспу провидеть дано,
Что царством Бехмену владеть суждено.
«О царь всемогущий, — сказал он, — тебе
Пора о Бехменовой вспомнить судьбе.
Отцовские в явь воплотил он мечты,
9780 В познаньях немалой достиг высоты.
В чужой стороне долго держишь его,
Не слышит он там о тебе ничего.
Послание должно ему написать —
Цветущему райскому дереву под стать.
Кому же иному продолжить твой род?
Печальника в ком Исфендьяр обретет?»
Советника речи одобрил Гоштасп,
И слышит его повеленье Джамасп:
«Посланье одно напиши ты ему,
9790 Другое — могучему мужу тому.

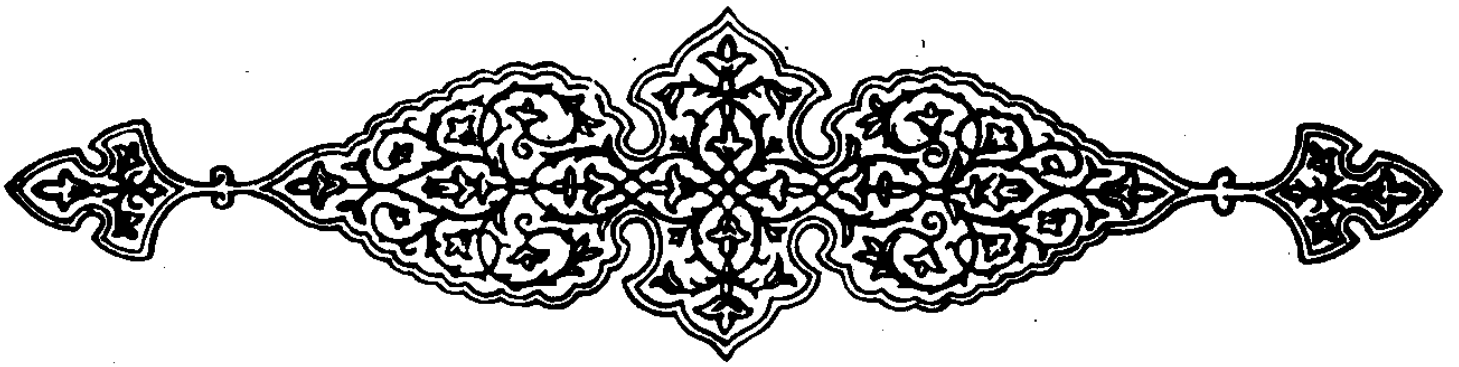
Мол, слава творцу, о всесветный герой!
 Признательны мы и довольны тобой.
 Мой внук, что дороже мне жизни моей,
 Стал ныне седого Джамаспа мудрей, —
 Немало успел у тебя почерпнуть
 Познаний. Пора его деду вернуть!
 Бехмену же юному так напиши:
 „Как только посланье прочтешь, поспеши
 Покинуть Забул. Стосковался, любя, —
 9800 Не медли, увидеть я жажду тебя!“ »
 Лишь это посланье дебир прочитал
 Ростему, воитель-мудрец просиял.
 Извлек из казны потаенной своей
 Немало даров: закаленных мечей,
 Стрел острых и луков, и конских щитков *,
 Булав богатырских, индийских клинков,
 Серебряных сбруй, кушаков золотых *,
 Две чаши, наполнив рубинами их,
 Немало и мускуса, и камфары,
 9810 И пряностей тех, что душисты, остры,
 Алмазов и золота, и серебра,
 Парчевых одежд и другого добра.
 Избрал из рабов молодых силачей
 И видом пленительных малых детей.
 Бехмену — все эти дары получить,
 Его казначею спешат их вручить.
 За два перехода Ростем проводил
 Бехмена и после к царю отпустил.
 Вот внука Гоштасп увидал пред собой,
 9820 И хлынули слезы горячей струей.
 Вскричал он: «Ты стал Исфендьяром самим!
 О юноша, схож ты разительно с ним».
 Узрел на нем мудрости светлой печать
 И стал Эрдеширом с тех пор его звать * —

Богат благочестьем и знаньями он,
Немалую силой к тому ж одарен.
Когда во весь рост выпрямлялся Бехмен,
То руки его достигали колен.

Испытывал юношу долго Гоштасп,
9830 Не раз созерцал его, счастьем лучась.
Охотясь, пируя, сражаясь мечом,
Тот схож был во всем с именитым отцом.
Так внука Гоштасп полюбил своего,
Что мига прожить уж не мог без него.
Твердит: «Мне создатель его даровал,
Скорбящей душе в утешенье послал.
Коль отнят судьбой у меня Руинтен,
Да здравствует вечно достойный Бехмен!»
Об Исфендиаре окончен мой сказ.

9840 Царь, долгие годы да радуешь нас!
В душе твоей радость пусть вечно живет,
Вовек да не ведаешь бед и невзгод,
На недруга злого набросив аркан,
Да будешь удачей весь век осиян *!

[СКАЗ О РОСТЕМЕ И ШЕГАДЕ]

[Начало сказа]

В старинную книгу опять загляну
И сказ об убийстве Ростема начну.
В те дни, как Ахмеда щедротами Мерв *
Гордился, жил старец по имени Серв.
Ученым и красноречивым он был *

9850 И в памяти много преданий хранил,
Властителей книгой владел он притом,
А выглядел истинным богатырем,
Свой род от Нейрема и Сама ведя,
Знал много о битвах Ростема-вождя.
Поведаю то, что слышал от него,
Взяв повесть в оправу стиха своего.
Коль век мой продлится на брешней земле
И будет мне разум вожатым во мгле, —
Окончу заветную книгу царей,
9860 И сложат преданья о жизни моей.
Я именем песнь увенчаю твоим *,
Венца украшение, Абулькасим,

Махмуд, чье величие славит молва *,
Ирана, Турана и Хинда глава!

С тех пор, как твоя стала властвовать длань,
Земля расцвела, как румийская ткань,
Нет счета щедротам, пустеет казна,
Но полнится славой твоею страна.

Той славе не меркнуть с теченьем годов:

9870 Ведь каждый, кто мудр, славословить готов
Бесстрашие, щедрость, охоту, пиры —
Приметы твоей благодатной поры.

Блажен, кому видеть дано твой венец
И войско твое, и высокий дворец!

Хоть слух мой и ноги слабей с каждым днем,
А старость гнетет все сильней с каждым днем,
Под бременем лет, одряхлевший, седой,
Гонимый судьбою, томимый нуждой,
Тебе я хвалу неустанно пою,

9880 Пою справедливость и мудрость твою.

Со мной тебя вся восхваляет страна,
Коль тех не считать, чья природа черна.

С тех пор, как на трон кеянидов воссел,
Раздорам и злу положил ты предел,

Корыстных и алчных ты всех обуздал,
Насилье и кривду чинить им не дал,

А тем, кто умерен, рассудком богат,
Ты жаловать милости щедрые рад.

Чтоб память о жизни твоей на земле

9890 Не стерлась вовек, не исчезла во мгле,

Поэму сложил я о древних царях,

О славных и доблестных богатырях.

Ты в ней о пирах и о битвах прочтешь,

Речения мудрости древней найдешь —

О знанье, о вере, о том, как пройти

Путь жизни и счастье в раю обрести.

Одни тебя строки потешат, в других
 Немало найдешь поучений благих;
 И памятник канувших в прошлое дней
 9900 Найдешь в ней, и спутника жизни своей.
 Надеюсь, при жизни меня отличишь,
 За труд мой динарами вознаградишь,
 Чтоб царская щедрость твоя помогла
 Свершить мне для ближних благие дела.
 Теперь обращусь к временам, когда Серв
 Царил, благосклонностью радуя Мерв.

*[Ростем направляется в Кабул
 к своему брату Шегаду]*

Так сказывал тот просвещенный мудрец,
 Кого наделил даром речи творец:
 В покоях у Заля рабыня жила,
 9910 На лютне играла, певуньей слыла.
 Красавицей сын был от Заля рожден,
 Соперничать мог с ясным месяцем он.
 Сказал бы, в нем мужество Сама живет,
 И рад богатырский воинственный род.
 Пришли звездочеты, мужи-мудрецы,
 Кабула, Кашмира седые жрецы,
 Носившие имя Йездана в сердцах;
 Воссели с таблицами Рума в руках*
 И стали о тайнах небес вопрошать:
 9920 Младенцу от звезд можно ль милостей ждать?
 Узнавши ответ, удивленьем объят
 Круг старцев — молчат, друг на друга глядят.
 Но вот восклицают они, наконец:
 «О Заль, нам ниспосланный с неба мудрец!
 Нерадостный дал нам ответ небосвод:
 Он блага младенцу сему не пошлет.
 Лишь этот ребенок, прекрасный лицом,

Созрев, станет мужем и богатырем,
Он Сама потомков угасит звезду,
9930 Прославленный род в злую ввергнет беду.
По воле его весь заплачет Систан
И воплями весь огласится Иран.
Он скорбью людские наполнит сердца,
Но вскоре и сам не избегнет конца». .
Дестан, это выслушав, горем убит,
Йезданово имя в тревоге твердит,
Взывает: «О путь указующий нам,
О ты, не дающий упасть небесам!
Один ты — оплот и надежда моя,
9940 Твоей лишь стезей буду следовать я.
И небо и звезды во власти твоей,
Пошли же нам благо и тучи рассеи,
Покой и отраду даруй вместо бед!»
Младенца Шегадом нарек сипехбед.
У матери рос он, но вот молоком *
Насытился, отроком стал он; влеком
К познанию, речью благой наделен,
Всем взоры пленял, сердце радовал он.
И отрока, преодолевши печаль,
9950 Послал к властелину кабульскому Заль.
Как тополь, возрос молодой великан,
Наездником стал. Булава и аркан
Послушны ему. Возглавлявший Кабул
На юного мужа однажды взглянул,
Подумал: владыки достойный он зять, —
И дочь ему в жены решился отдать.
Сокровища многие с нею послал,
Все больше его отличал и ласкал,
Что зреющий плод, неустанно берег;
9960 Коснуться его не дерзал ветерок.
Ростема ж привыкла, как встарь, почитать

В Иране и Хинде высокая знать.
И золота полный мешок той порой
Взимал, что ни год, у кабульцев герой.
«Не должен отныне Забула глава
Дань брать с меня, — мыслит Кабула глава. —
Ведь зятем моим молодой стал Шегад,
Сын Заля, Ростема могучего брат.»
Но время пришло — сборщик дани в Кабул
9970 Явился, весь город он перетряхнул.
Шегад, хоть и счел, что неправ был Ростем,
О том не обмолвился словом ни с кем.
Царю лишь кабульскому наедине
Сказал он: «Мир зол, опостылел он мне!
Когда меня брат притесняет родной,
Теряет он брата права надо мной,
Тогда все равно мне — чужой он иль брат,
Лишен ли ума иль рассудком богат.
Нам должно его в западню залучить
9980 И славу всемирную тем заслужить».
И оба на том согласились они,
В мечтах до луны возносились они.
Забыли, как видно, слова мудреца:
Злодей не избегнет худого конца!
В ту ночь, пока небо зарей не зажглось,
Злодейство задумавшим все не спалось:
Сотрем, мол, с земли его имя! В печаль
Повергнутый, пусть убивается Заль!
Шегад властелину Забула сказал:
9990 «Коль хочешь, чтоб явью наш умысел стал, —
На пир собери именитых вождей,
Певцов призови, да вина не жалей!
Презренье ко мне на пиру ты яви,
Бесчестным и низким меня обзови.
Тут с жалобой горькой помчусь я в Забул:

Мол, недруг мне тот, кем возглавлен Кабул!
Отцу о тебе я дурное скажу,
При брате обидчиком изображу.
Тогда за меня оскорбится мой брат,
10000 Сюда устремится, в любимый мой град.
А ты последи у него на пути *
Для лова пригодное поле найти
И ямами сплошь это поле изрыть,
Чтоб Рехшу с Ростемом в одну угодить.
Подольше конай, глубины не жалей,
Дно в каждом колодце мечами усей,
И каждый булат сочтай ты с копьем —
Все вниз рукоятью и вверх острием.
И лучше пусть ям будет десять, чем пять,
10010 Коль хочешь беду навсегда отогнать.
С помощником ты приходи не одним,
А с сотней способных к уловкам таким.
Все выкопав ямы, сокрой их потом;
Смотри, никому не обмолвись о том!»
Шегад удалился. И совесть, и стыд
Отбросив, царь праздник устроить спешит.
Мужей именитых Кабула созвал,
Места им за пышным столом указал.
Насытись, воссели в чертоге ином,
10020 Внимают певцам, услаждаясь вином.
Лишь кровь закипела от царственных вин,
Впал в буйство хмельное Шегад-исполин.
Кричит властелину кабульскому он:
«Всех выше мужей я главой вознесен!
Ведь брат мой — Ростем и Дестан — мой отец,
Где сыщется родом знатнее храбрец?»
Нахмурился, вспыхнул Кабула глава.
«Что лжешь ты! — его раздаются слова. —
Ты род не от Сама с Нейремом ведешь,

- 10030 Ростему не родич, с ним вовсе не схож.
 Дестан о тебе и не мыслит совсем,
 Не вспомнит тебя добрым словом Ростем.
 Ты раб лишь ничтожный его, даже мать
 Тебя б не могла его братом назвать.»
 Ответом таким оскорбился Шегад,
 И тут же в Забул устремился Шегад.
 С собою кабульцев он нескольких взял
 И, тяжело вздыхая, печальный предстал
 Пред Залем, спешит славословье вознести,
- 10040 А в сердце — коварство и в помыслах — месть.
 Лишь сына увидел Дестан своего,
 Красу и осанку, и силу его —
 Приветствием встретил, тепло обласкал
 И тотчас к великому брату послал.
 Рад витязь могучий свиданию с ним;
 Сочтя его мужем достойным, благим,
 Сказал: «Нет в потомстве у Сама мужей
 Иных, кроме доблестных богатырей!
 В Кабуле тебя по достоинству чтит.
- 10050 Владыка? И что обо мне говорил?»
 Ростему на это ответил Шегад:
 «Не слышать бы мне о Кабуле, мой брат!
 Там раньше мне царь благосклонность являл,
 При встречах почет воздавал, восхвалял,
 Теперь на пирах изрыгает он брань:
 Всех выше, мол, он, всех сильнее его длань!
 Меня при собрании всем оскорбил,
 Свой нрав недостойный и злобный явил.
 „Доколе, — кричал, — дань мы будем платить,
- 10060 Господство Систана покорно сносить?
 Ни в силе, ни в знатности не уступлю
 Ростему и власти его не стерплю.
 Ты Залю не сын! — мне сказал он потом, —

А если и сын, чести много ли в том? "
При всех он меня опозорил мужах,
И тотчас Кабул я покинул в слезах».
Ростем, это выслушав, гневно кричит:
«Злонравный возмездия не избежит!
Забудь о кабульце, и делу конец —
10070 До сгинут и царство его, и венец!
За речи такие расправлюсь я с ним,
И будет он родом оплакан своим*.
С престолом и счастьем расстанется он,
Кабульский тебе, знай, достанется трон!»
Дни мчатся за днями — любовь и почет
Прибывшему брату Ростем воздает.
Он в войске своем самых храбрых бойцов
Избрал — именитых мужей, удальцов,
Велит им: «Готовьтесь покинуть Забул,
10080 Отныне пристанище ваше — Кабул».
Вот кончил Могучий бойцов снаряжать,
Готова к походу Ростемова рать.
Но молвит, представ пред Ростемом, Шегад:
«Не думай о битве с кабульцами, брат.
Когда б твое имя на зыбких волнах
Мелькнуло — и то бы повергло их в страх.
В ком сердце для битвы с тобой закипит?
Вперед коли двинешься — кто устоит?
Я чаю, теперь он мириться не прочь,
10090 Раскаявшись, ищет, чем горю помочь.
Навстречу тебе приведет он мужей
С повинной — Кабула знатнейших вождей».
«Ты прав, — богатырь отвечает ему, —
В Кабул мне дружину вести ни к чему.
Возьму Зеваре, сто бойцов верховых,
Да пеших лишь сотню бойцов удалых.»

*[Владыка Кабула велит вырыть ямы
на пути у Ростема и Зеваре]*

Царь с зятем, замыслившим зло, разлучась,
На поле охоты помчался тотчас.

Из войска к себе землекопов призвав

10100 И самых умелых средь них отобрав,

Им тайно велит вырыть на поле том

Глубокие ямы под конным путем

И в каждой, как было пред тем решено,

Усеять клинками и копьями дно.

Вот вырыли их и прикрыли, и ям

Ни всадникам не различить, ни коням.

В Кабул устремился Ростем-исполин;

Гонца шлет Шегад: мол, к тебе, властелин,

Без войска Могучий спешит, посему

10110 Ты выйди с повинной навстречу ему.

И тотчас владыка покинул свой град,

Мольба на устах его, в помыслах — яд.

Лишь только Ростема лицо различил,

Царь тотчас с коня своего соскочил,

Снимает индийский убор с головы

И голову клонит, — мол, грешен, увы!

Разувшись, униженно рядом идет,

Вздыхает и слезы горючие льет.

Пал ниц и винится, и кается в том,

10120 Что брата его оскорбил непутем:

«Совсем обезумел твой раб, захмелев,

От хмеля, поверь, обуял меня гнев.

Молю, о великий, прости мне вину!

Усердьем твою благосклонность верну».

Так, пеший, босой, с головою в пыли,

Коварный владыка кабульской земли

Взывал о прощенье, и витязь простил

Кабульца и больше, чем прежде, почтил.

Обуться велит ему снова, чело
10130 Опять повязать и вернуться в седло.
Достигнув Кабула, вступают на луг —
Цветы, где ни глянешь, и зелень вокруг.
У речки журчащей, под сенью дерев
Ковры дорогие легли, запестрев.
Владыка велел туда яства принести,
Пир щедрый устроил в Ростемову честь.
Знатнейшие на возвышенья взошли,
Явилось вино, музыканты пришли.
Сказал тут Ростему Кабула глава:
10140 «К охоте коль страсть в твоём сердце жива, —
Урочище я укажу тебе сам,
Дичины несметное множество там.
Онагров и ланей равнина полна;
Искусный ловец, оседлав скакуна,
Их много подстрелит. Тебе не под стать
Подобным урочищем пренебрегать».
Про луг тот прибрежный, про дичь услышал
Ростем-богатырь и душою взыграл.
Так разум затмив, рок толкает подчас
10150 К тому, в чем таится погибель для нас.
О горе, безжалостный рок-лиходей
Вовек не откроет нам тайны своей!
И чудища моря, и тигры лесов,
И лютые львы средь пустынных песков,
Мураш и комар — все бессильны равно
У смерти в когтях, вечно жить не дано!
Могучий коня повелел оседлать,
Охотничьих соколов в поле послать,
Лук, стрелы берет, лову близкому рад,
10160 С ним вместе собрался на лов и Шегад.
Ростем Зеваре взял с собой и других
Забульских мужей — приближенных своих.

Рассыпались, рыщут по полю всему,
 Ростем же к пути устремился тому,
 Где гибель его роковая ждала,
 За ним Зеваре злая доля вела.

Тут Рехш выгнул спину, как мяч: издали
 Вдруг запах учуял он свежей земли;
 Стал прыгать на месте, а дальше нейдет
 10170 И оземь в испуге копытами бьет.

И нехотя после вперед он побрел,
 Его меж двух ям путь губительный вел.
 Тут мужа могучего гнев охватил,
 Злой рок ему ясные очи затмил;
 Спешит он, схватив свою гибкую плеть,
 Коца непокорного ею огреть.

Рехш мчится вперед — нет иного пути,
 И как ни пытался от рока уйти,
 Низринулся в яму, упал тяжело,
 10180 Восторжествовали коварство и зло.
 Мгновенно клинки в его тело впились,
 Ни кинуться в битву, ни бегством спастись.
 Растерзаны Рехша бока, не вздохнуть
 И витязю, ранен он в ногу и грудь.
 Но силы напярк, хоть ему и невмочь,
 И разом из ямы он выбрался прочь.

[Ростем убивает Шегада и умирает]

Шегада лицо над собой вслед затем
 Увидел пришедший в сознание Ростем
 И понял, что ту западню ему брат
 10190 Расставил, что враг ему — низкий Шегад.
 Вскричал он: «Презренный, бесчестный злодей!
 Край целый погибнет от злобы твоей.
 В содеянном горько раскаешься ты,
 С бедой, не состарясь, спознаешься ты!»

Ростему в ответ недостойный сказал:
«Тебе небосвод по заслугам воздал.
Доколе со всеми тебе воевать,
Победы одерживать, кровь проливать!
Не будешь отныне по свету ходить,
10200 Пора тебе к дьяволу в сеть угодить!»
Кабула глава подоспел той порой
На место охоты и видит — герой
Без сил, истекающий кровью, лежит,
И страшен зияющих ран его вид.
Явив удивление, царь произнес:
«Что, славный, с тобою на лове стряслось?
Пойду, обливаясь слезами, скорбя,
И лекаря я приведу для тебя.
Быть может, он раны твои исцелит,
10210 Осушит мне слезы и скорбь утолит».
Ответил на то именитый боец:
«Молчи, ненавистный, презренный хитрец!
Сам видишь ты, поздно мне лекаря звать,
Притворные слезы оставь проливать!
Как долог бы ни был отмеренный век,
На небо живым не взойдет человек.
Мне, в мире известному богатырю *,
Не больше, чем древле Джемшиду-царю,
Дано благодати, однако и он
10220 Был роком настигнут, пилой распилен.
Со дней Феридуна, с Кобадовых дней
Судьба не щадила иранских царей.
Лишь час роковой Сиавуша настал,
Скосил его Горуй-Зереха кинжал.
Уйти привелось им, великим царям,
Не ведавшим страха, воинственным львам.
Угасли, а я, неуемный, все жил,
Как тигр, неустанно дороги торил.

- Очей моих светоч, сияние дня —
 10230 Мой сын, уповаю, отмстит за меня!»
 И после к Шегаду он речь обратил:
 «Коль так мне погибнуть злой жребий судил,
 Не грех тебе к просьбе моей снизойти *:
 Мне лук мой подай, да его оснасти.
 Пусть, словно в минувшие годы удач,
 Испытанный вновь мне послужит толмач.
 А с ним две стрелы мне подай, пожалев, —
 Не должно, чтоб изголодавшийся лев
 В безлюдной степи растерзал меня вдруг *, —
 10240 На случай такой пригодится мне лук.
 Живым да не сгину в звериных когтях,
 Да примет меня, бездыханного, прах!»
 Лук витязя поднял Шегад и согнул,
 Его тетивой оснастив, натянул,
 Смеясь, положил близ Могучего — рад
 Бесчестный, что близок к гибели брат!
 Внезапно привстав, всею силою рук
 Ростем натянул оснащенный свой лук;
 Шегад, это видя, в смятенье пришел,
 10250 Метнувшись, спешит он укрыться за ствол.
 Огромная рядом чинара росла,
 Над ней вереница годов протекла.
 Пустая внутри, но с ветвями, с листвою —
 Укрылся злодей за чинарою той.
 Ростем, это видя, прицелился вновь *,
 Могучие плечи расправил, хоть кровь
 Текла непрерывно из гибельных ран,
 И тотчас кольцо потянул. Обуян
 Отмщения жаждой, метнул он стрелу,
 10260 И вот уж убийца прикован к стволу.
 Стон брата услышав, вторую пустил
 Ростем и страданья его прекратил.

Воскликнул Могучий: «Издану хвала!
 В душе моей верность благому жила
 Недаром. Пускай разлучаюсь с душой,
 Но прежде чем день изгнан тьмою ночной,
 Для мщенья довольно послал ты мне сил —
 Пред смертью предателю я отомстил!»
 Умолк он, и дух от него отлетел,
 10270 И каждый на мертвого с плачем глядел,
 Скорбя о погубленном богатыре;
 Бойцы его пали и пал Зеваре.

*[Заль узнает о смерти Ростема и Зеваре,
 Ферамарз привозит их тела
 для погребения]*

Один только гибели муж избежал —
 То пеший бежал, то верхом поспешал,
 Достигнув Забула, поведал в слезах:
 «О горе, Могучий повержен во прах,
 А с ним Зеваре, вся дружина его —
 Изменник Шегад не щадил никого!
 Был с ним заодно возглавлявший Кабул».
 10280 И воплем тотчас огласился Забул.
 Седую главу прахом Заль посыпал
 И грудь, и лицо свое в горе терзал,
 Взывая: «О витязь, не видеть мне дня!
 Влечет лишь могила отныне меня.
 Все плачьте о доблестном богатыре,
 О брате отважном его Зеваре!
 Проклятье Шегаду, источнику зол,
 Кем срублен под корень сей царственный ствол!
 Кто знал, что стрясется такая напасть, —
 10290 Трус жалкий дерзнет на героя напасть!
 Кто в памяти это сыскал бы своей,
 Кто слышал на свете от мудрых мужей,

Чтоб лисом презренным был пойман в капкан
Лев гордый — такой, как Ростем, великан!
Зачем смертью хищною не был я взят
Пред тем, как на славных напал супостат!
Что мне моя слава, и жизнь, и венец, —
Род Заля угас, роду Сама конец!
О вождь, о воитель, героев краса,
10300 О стран покоритель, о тигров гроза!
В печаль я повержен твоею судьбой *,
Кто это содеять дерзнул над тобой!
Пусть горы я срою, пусть, лют и жесток,
Джейхун обращу я в кровавый поток —
Тебя воскрешу ль? Тщетно кровь бы я лил,
Хоть жребий весь мир бы за то мне сулил.
Жизнь красил нам блеск бытия твоего,
А ныне оставил ты нас на кого?
С тех пор, как мечом твою грудь рассекли,
10310 Стал мир не дороже мне горсти земли».
Он тут же послал Ферамарза и рать —
Владыку кабульской земли покарать,
С телами героев вернуться, а там
Дать волю стенаньям и горьким слезам.
Когда Ферамарз до Кабула дошел,
Там витязя ни одного не нашел.
Бежали все, в пламени горя горя,
Рыдая об участи богатыря.
Урочища смерти достиг Ферамарз,
10320 Льет слезы, над славным героем склонясь.
Доставить велит он сверкающий трон,
И кедр величавый на трон водружен.
Кушак богатырский его развязав
И княжью одежду с Могучего сняв,
С рыданьями тело омыли водой
И лик с белоснежною той бородой.

Потом благовонья над ним воскурив
И раны зиявшие шелком зашив,
Осыпали тело его камфарой
10330 И влагою роз окропили. Парчой,
Сплошь затканной златом, одето оно.
Вновь розы и мускус несут, и вино, —
Расчесана снега белей борода *;
С рыданьями саван надели тогда.
Носилки двойные поставить пришлось,
И то его тело едва улеглось —
Оно исполинскому древу под стать *.
Велит Ферамарз лучший кедр отыскать,
Велит, чтобы костью слоновой был гроб
10340 Украшен и гвозди из золота чтоб
Вколочены были, чтоб щели смолой
Залили, с ней мускус смешав и алой.
Из ямы потом Зеваре извлекли,
Все раны зашив и омыв, облекли
Героя в сверкающий саван и вяз
В окрестности лучший срубили. Тотчас
Искуснейших вождь древоделов призвал,
Для гроба тот вяз распилить приказал.
Был поднят и Рехш из колодца — под стать
10350 Ему во всем мире коня не сыскать!
Трудились два дня, чтоб взвалить на слона
Огромное тело того скакуна.
И Забулистан весь, и Кабулистан —
Рыданий и воплей безудержных стан.
Уж негде ступить между жен и мужей,
Застывших в суровой печали своей.
Два гроба подняв, на руках понесли,
Их веса не чуя, без устали шли;
В Забул десять дней шли и десять ночей,
10360 Но мысль в голове не мелькнула ничьей

Гробы хоть на миг опустить. Плач и стон
 Немолчно со всех раздавались сторон.
 Гробницу в цветущем саду возвели,
 И кровлю ее до небес вознесли.
 Два трона поставили в ней золотых,
 Навек опочил славный витязь на них.
 И каждый, кто честно Ростему служил,
 Рабом ли, свободным ли мужем он был,
 Смешав с чистым мускусом роз лепестки,
 10370 Пред ним рассыпал, преисполнен тоски.
 «О славный! -- зывают, — почто в этот час
 В дар просишь ты мускус и амбру у нас?
 Тебе уже с недругом не воевать,
 Не править державою, не пировать,
 Динаров не сыпать нам щедрой рукой —
 Тлен мира сменил на нетленный покой!
 Достоин ты рая — тебя, великан,
 Из чести и мужества создал Йездан.»
 Гробницу замкнув, разлучились потом
 10380 С великим и доблестным богатырем.
 У самого входа коня погребли,
 В рост Рехша там вырыть могилу смогли.
 Чего от земной ты обители ждешь!
 В ней счастье сперва, после — муки найдешь.
 Будь хоть из железа, хоть дивом ты будь —
 Ведет, как и праведных, к смерти твой путь.
 Твори лишь добро на привале земном,
 Блаженство познаешь ты в мире ином.

*[Ферамарз выступает с войском на мечь
 за Ростема и убивает владыку Кабула]*

Лишь только, в слезах и печали, истек
 10390 Положенный сыну для траура срок,
 На поле он вывел забульскую рать,

Казну ей отцовскую стал раздавать.
С зарею в поход трубный рокот призвал,
Бьют в гонги индийские, в медный кимвал.
Такою в Кабул двинул рать сипехбед,
Что в небе померк солнца ясного свет.
Лишь только узнал возглавлявший Кабул,
Что войско для мщенья выслал Забул,
Клич кликнул, бойцы отовсюду сошлись, —
10400 Железной земля, смоляной стала высь.
Идут Ферамарзу навстречу. В ночи
Небесных светил уж затмились лучи.
На поле широком два войска сошлись,
И ратников клики окрест разнеслись.
Пыль встала такая от бега коней,
Что лев заблудиться мог в чаще своей.
Вдруг вихрь налетел, туч воздвигся навес,
Уж землю нельзя отличить от небес.
Летит Ферамарз перед войском своим,
10410 Вот вражки прорвал он ряды, а за ним
Забула мужи в наступленье пошли, —
И схвачен властитель кабульской земли!
Строй ратный рассеян, беде обречен.
Герои Забула, что волки, вдогон
Кабульским бойцам устремились тотчас,
Кидаются наперерез, разъярясь.
Так много погибло там хиндских бойцов,
Отвагой прославленных синдских бойцов,
Что в поле кровавым стал месивом прах,
10420 А тот, кто от смерти ушел, второпях
Спасается бегством, и кров, и страну
Покинув, и малых детей, и жену.
Владыку Кабула, в крови, Ферамарз
Оттуда увез на слоне, устремясь
С дружиною к месту предательских ям,

Преступника ждало возмездие там.
 Связав ему руки, ведут, и других
 С ним сорок кабульцев из кровных родных.
 Был пыткам жестоким подвергнут злодей,
 10430 И кожу, и мясо сорвав до костей,
 Подвесили в яме, да вниз головой.
 Чтоб долго он мучился, полуживой.
 А сорок тех родичей царских сожгли
 И к трупу Шегада потом перешли.
 Спешит Ферамарз уничтожить огнем
 Шегада с чинарой, все выжечь кругом.
 Бойцам повелел он разграбить Кабул,
 Все свезть до последней песчинки в Забул.
 Забульца он сделал Кабула главой;
 10440 Злодея-царя разлучив с головой,
 Весь род истребил нечестивца того,
 Из родичей не пощадил никого.
 Домой возвратился, душой омрачен,
 День ясный для витязя в ночь обращен.
 О павшем скорбит и Забул весь, и Бост,
 Рыданья и вопли восходят до звезд.
 Сошлись к Ферамарзу, пеняя судьбе,
 В грудь бьют, одеяния рвут на себе.

[Рудабе оплакивает Ростема]

Год целый носил еще траур Систан,
 10450 Все в черном, и край — словно горести стан.
 Дестану в слезах говорит Рудабе:
 «Рыдай о Ростемовой горькой судьбе!
 С тех пор, как луч солнца во мгле засиял,
 Подобного горя никто не знавал».
 «Жена неразумная! — слышен ответ, —
 Знай, горя ужаснее голода нет.»
 Тут, вспыхнув, несчастная мать поклялась:

«Отныне и есть я, и спать зареклась!
Быть может, мой встретится дух, воспаря,
10460 С душою могучего богатыря».
И пищи семь дней не вкушала она,
Тоской об утраченном поглощена.
В глазах уж от голода стало темно,
И тело могучее истощено.
Куда ни пойдет — вслед рабыни тотчас
Крадутся, за жизнь удрученной страшась.
Та ж на день восьмой повредилась в уме,
Плач смехом сменился — рассудок во тьме.
Идет из покоев в одежде ночной
10470 И мертвую видит в лохани с водой
Змею. Протянула к ней руки, схватить
Уж хочет и, пицей сочтя, проглотить.
Рабыня змею у нее отняла *,
Обняв, торопливо в покой увела.
Там скатерть спешат перед ней расстелить
И лучшую пицу дают ей вкусить.
Насытилась; горем убитую тут
На мягкое, теплое ложе кладут.
Усталой отрадно ей было уснуть,
10480 Душою от горя и мук отдохнуть.
Проснувшись, еды попросила опять,
И разные яства спешат ей подать.
Опомнившись, Залю сказала она:
«Была тебе мудростью речь внушена.
Кто пици и сна себя в горе лишит,
Тот счастья от горести не отличит.
Ушел непаглядный, мы также уйдем.
Смириться нам должно пред божьим судом!»
Богатства свои беднякам раздала,
10490 Создателю мира мольбу вознесла:
«О ты, что превыше имен и времен!

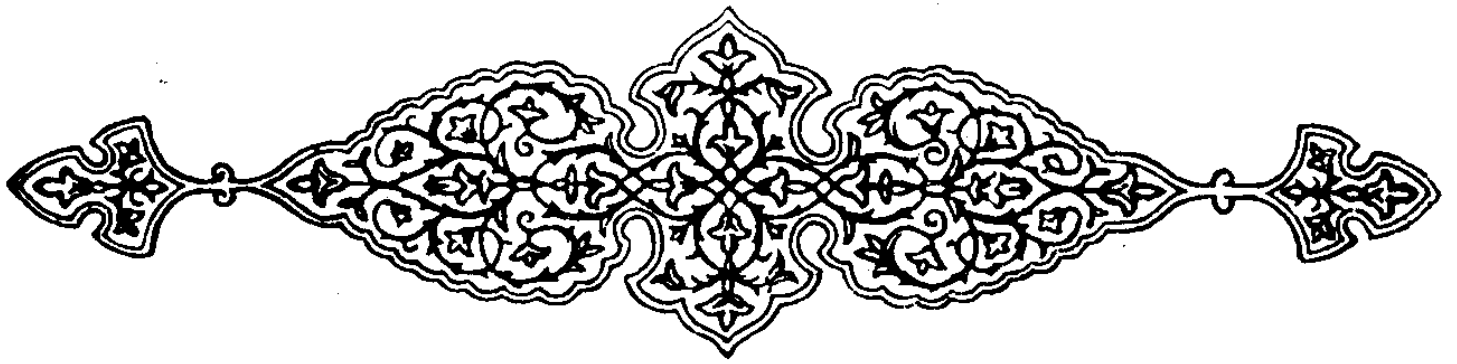
Да будет тобою Ростем вознесен!
 Приют ему дай в благодатном раю,
 Пусть там собирает он жатву свою!»
 Пал витязь могучий, с душой разлучась,
 О нем, достославном, кончается сказ.

*[Гоштасп передает царство Бехмену
 и умирает]*

Покинут счастливой звездою Гоштасп;
 На зов его входит с мужами Джамасп.
 Им царь говорит: «Сокрушен я бедой.
 10500 С тех пор, как погиб Исфендьяр молодой,
 Не знал ни единого светлого дня;
 Уж с вами злой рок разлучает меня.
 Престолонаследником будет Бехмен,
 Советником первым его — Пешутен.
 Бехмену покорность явить вы должны,
 Ему присягните и будьте верны.
 Вести его к свету вам должно, радеть
 О нем — он достоин державой владеть».
 Ключи от казны он Бехмену вручил
 10510 И, тяжело вздыхая, ему говорил:
 «Я чую, приходит мой час роковой,
 Уж волны смыкаются над головой.
 На троне сто двадцать я лет восседал
 И равных себе на земле не видал.
 Моею землей управлять продолжай,
 Являй справедливость и горя не знай.
 Разумных и праведных жалуй мужей,
 Но кары твоей да страшится злодей!
 Лишь правды веленьям внимай, и тогда
 10520 Тебя не постигнет лихая беда.
 Немало свершил я для блага людей,
 Ты впредь и страной, и казною владей!»

Умолк и окончил свой век на земле —
Все бренно, и все исчезает во мгле.
Для шаха в гробнице слоновой кости
Венец над престолом спешат вознести.
Казна не спасла, смерть явилась глазам:
Отравой запил жизни сладкий бальзам.
Таков наш удел, и кичимся мы зря —
10530 Смерть грозная с низшим равняет царя.
Добытое трать и с другими дели —
Совету разумного мужа внемли!
Уж сверстников нет, но остался я жив,
Сказаний о прошлом немало сложив.
Идущий — до цели желанной дойдет,
Взыскующий блага — его обретет.
Постигни, когда не постиг ты досель:
Благие деяния — дней наших цель.
Теперь, к миновавшим векам возвратясь,
10540 Начну о владыке Бехмене рассказ.

БЕХМЕН

*[Царствование Бехмена,
сына Исфендиара,
длилось девяносто девять лет]*

Когда на оставленный дедом престол *
Бехмен, славный сын Исфендьяра, взошел,
Он стан опоясал, к заботам готов,
Десницу расправил, к щедротам готов.
Динарами ратных мужей оделил
И землями знатных вождей одарил.
Созвал он собрание седых мудрецов,
Созвал закаленных в сраженьях бойцов
И так им сказал: «Вы, что родом знатны,
10550 Умом и познаниями одарены,
Чай, все — стар и млад — не забыли о том,
Что случилось с моим знаменитым отцом
И что с ним при жизни содеял Ростем,
Наученный Залем, злым гением тем.
Забульского витязя сын Ферамарз
Вражду и поныне таит против нас.
Поныне и я жаждой мщенья томим,
Живу и дышу только гневом одним.

Погиб от руки сушостата Мехр-Нуш,
10560 И с ним Нуш-Азер, полный доблести муж.
Прославленный Исфендиар, мой отец,
Всех витязей края — краса и венец *,
Безжалостно в Забулистане убит —
Зверь дикий, и тот о великом скорбит.
И росписи сказочной богатыри,
Льют слезы и те от зари до зари.
С ним вместе погибло немало других
Известных отвагой мужей молодых.
Кто род свой от предков достойных ведет
10570 И кто уронить не желает свой род,
Тот, жаждою мести священной горя,
Пойдет по стопам Феридуна-царя,
Которым за гибель Джемшидову встарь
Сражен был Зоххак, крови жаждавший царь.
На Тура и Сельма напал Менучихр —
С дружиной Аму переплыл и, как вихрь,
На Чин налетел он, за деда отмстил,
Там горы поверженных нагромоздил.
Царю Афрасьябу отмстил Кей-Хосров,
10580 Мир залил он кровью туранских бойцов.
Отец за Лохраспа отмстил. В эти дни
Мне мстить подобает, как мстили они.
Лишь пробил Могучего час роковой,
Во гневе вперед двинул строй боевой *,
К отмщению неудержимо стремясь,
Напал на Кабул его сын Ферамарз.
Кровь алой рекой разлилась по полям,
И кони скакали по мертвым телам.
Мне мщение больше, чем прочим, под стать,
10590 Конем даже тигра под силу мне смять!
Ведь если все страны земли обойти,
Такого, как Исфендиар, не найти.

Что скажете, мудрые, ныне в ответ?
 Благой, поразмыслив, мне дайте совет».

Речь кончил державы иранской глава.
 Сказали в ответ на цареvy слова
 Иранцы: «Служить обещаем тебе,
 Добра одного лишь желаем тебе.
 Потомок достойный великих бойцов,
 10600 Не знаешь ты равных среди храбрецов;
 Свершай, что отважное сердце велит,
 Что славу твою приумножить сулит.
 Не станет перечить никто из мужей —
 Кто мог бы ослушаться воли твоей?»
 Ответом дружины Бехмен ободрен,
 В своей укрепился решимости он.
 На том порешили и встали, и вот
 Объявлен в систанскую землю поход.
 С зарею забили в огромный кимвал,
 10610 Мрак пыли поднявшейся небо застлал.
 В путь двинулось войско — сто тысяч бойцов,
 Отважно разящих мечом удальцов.

[Бехмен заковывает в цепи Залю]

Лишь только к Хирменду-реке подошла
 Дружина, достойного выбрав посла,
 Бехмен ему к Залю скакать приказал,
 Такие слова передать приказал:
 «Убит Исфендьяр, и горька для меня
 Жизнь стала с того злополучного дня.
 Убили двух доблестных братьев моих,
 10620 Царевичей славных — забуду ль о них!
 Пусть мщенья радость мой дух озарит,
 Пусть реки забульские кровь обагрят!»
 Лишь весть от Бехмена Дестан услышал,
 В смятенье и в горе великое впал.

Ответил: «Судить справедливей тебе
Об Исфендиаровой должно судьбе.
Знать, так предначертано было творцом.
Немало и сам горевал я о том,
И ты — очевидец; я выход найти
10630 Пытался, противников к миру вести.
Ростем долгу верности не изменил,
Почтенье, любовь к Исфендьяру явил.
Сражен был родитель прославленный твой
Затем, что настал его час роковой.
Кто б ни был — лев ярый иль грозный дракон —
Капкана судьбы не минует и он.
Ты слышал, я чаю, как доблестный Сам
Нес гибель заклятым Ирана врагам,
Слышал и о том, что Ростем совершил
10640 С тех пор, как отточенный меч обнажил *,
Как храбро он бился за дедов твоих —
Отдать не страшился и жизнь ради них!
Тебе самому он смиренно служил
И рати твоей украшением был.
Нет больше Ростема, сражен великан,
Охвачен отчаяньем Забулистан.
Поныне, терзаемый горем, в слезах *,
О сыне скорблю я, на темени прах.
На дни мои пала ночей темнота,
10650 Лик желт, запеклись от печали уста.
Проклятье тому, кто убийство свершил,
А пуще тому, кто убийство внушил!
Забудь о вражде, поразмысли над тем,
Как жизнь свою прожил великий Ростем.
Не мщением, дружбою дух озари
И милостью эту страну покори.
Приди же, твоей будет Сама казна,
Из злата парча, кушаки, стремяна.

Тебе присягнет каждый вождь боевой,
10660 Владыкой признают тебя и главой».
Посланцу дал золота Заль, скакунов
И много других драгоценных даров.
И вскоре посол пред Бехменом предстал,
Все речи Дестановы он передал,
Но сердцем Бехмен не смягчился, лишь гнев
Явил он, мольбы о прощенье презрев.
И, тяжело вздыхая, вступает он в град,
Скорбя о погибшем, враждою объят.
Сын Сама, Дестан его встретил, пришли
10670 С ним вместе герои Забульской земли *.
К Бехмену приблизился, пеший, Дестан.
Смиренно склонясь пред владыкою стран,
Сказал он: «Настала прощенья пора *,
Из сердца изгнать жажду мщенья пора.
За верную службу, за то, что тебя
Растили мы с детства, лелея, любя,
Былое душой милосердной прости,
Яви благородство, убитым не мсти!»
Сильней от тех слов царский гнев закипел,
10680 И горький постиг тут Дестана удел.
Царь в цепи его заковать приказал,
Не внял казначею, везиру не внял.
Чертоги его повелел разгромить,
Богатства ж его на коней погрузить.
Присвоил немало венцов и ковров,
Алмазов сверкающих и жемчугов,
Запястий, серег, кушаков дорогих,
Сосудов серебряных и золотых,
Тазийских коней с золотою уздой *,
10690 Индийских мечей с золотою резьбой,
Сосудов, где мускус, алой, камфара,
Парчовых одежд и другого добра, —

Все то, что годами Ростем собирал
Иль в дань от царей и воителей брал;
Всю землю кабульскую опустошил,
Венцами и златом вождей оделил.

*[Битва Ферамарза с Бехменом
и гибель Ферамарза]*

Лишь в Босте услышал о том Ферамарз,
Поднялся на мщение он в тот же час.
В походе покоя воитель не знал,
10700 О битвах Ростемовых все вспоминал.
Лишь слух о походе Ирана достиг,
Охвачен был гневом владыка владык.
С обозом и ратью огромной своей
Примчась в Гурабе, там четырнадцать дней
Стоял. Вслед за тем Ферамарз подоспел *,
От пыли всклубившейся мир почернел.
Смолу льет на землю небесная высь,
И стрелы сквозь темень дождем пролились.
Уж трепет проник в сердце горных хребтов;
10710 Гром гонгов индийских, труб яростный рев,
Скрип луков, удары железных секир —
Земля спорит с небом, колеблется мир.
Что хлынувший вдруг оглушительный град,
Губительных палиц удары гремят.
Так бились три дня, а с четвертой зарей
Вдруг вихрь налетел, мир окутавший тьмой.
Навстречу войскам Ферамарза он дул,
И в царских очах луч надежды сверкнул.
Вслед вихрю с мечами иранцы пошли,
10720 Разгрому врага своего обрekli.
Из витязей Боста, забульских бойцов,
Кабульских, искусных в войне храбрецов,
Уже ни единого на поле нет,

Весь скрылся прославленных витязей цвет —
 Позорно бежали, в смятенье придя,
 Покинув в беде Ферамарза-вождя.
 Два войска немало потерь понесли,
 Под грудями мертвых не видно земли.
 Но стойкость вождь рати забульской хранит,
 10730 Горсть храбрых с ним рядом сражение длит.
 Весь в ранах, отважный воитель, что род
 От древних воителей славных ведет,
 Упорствует долго в бою. Под конец
 Сломил его некий иранский боец *,
 Связавши, к Бехмену его приволок;
 Тот пленника яростным взором обжег,
 Пощады ему даровать не хотел,
 Воздвигнуть он виселицу повелел,
 И на перекладине вниз головой
 10740 В мученьях повис богатырь молодой.
 Потом по велению Бехмена-царя
 Прикончили стрелами богатыря.

*[Бехмен освобождает Заля
 и возвращается в Иран]*

Той казнью жестокой подавлен дестур,
 Благой Пешутен. Опечален и хмур,
 Сказал он царю: «Милосердье яви,
 О грозный владыка! В пролитой крови
 Ты мщенья жажду теперь утолил.
 И так уж немалое зло сотворил, —
 Хоть края ты бедствиям не обрекай,
 10750 Жечь, грабить, народ истреблять не давай!
 Побойся Йездана, людей постыдись,
 В превратности рока слепого взглядишь!
 Один им жестокой беде обречен,
 Блистательным сапом другой облечен.

В Забуле, что, кроме могилы сырой,
Нашел твой отец, именитый герой?
Ростем, что на лов устремился в Кабул,
Пал жертвой коварства, сном вечным уснул.
Твои чтоб продлились счастливые дни,
10760 Ты зла родовитым мужам не чини!
Прискорбно, что внук Неримана в цепях —
Когда пред всевышним падет он во прах,
К нему вознося о возмездье мольбу,
Свою, властелин, проклянешь ты судьбу.
Припомни, как много усердья и сил
Ростем для защиты царей приложил.
Ростем — не Гоштасп, не герой Исфендьяр, —
Престол этот славный принес тебе в дар.
Иранским царям с Кей-Кобадových дней
10770 До дней Кей-Хосрова, надежды царей,
Оплотом он был, меч победный его
Им нес и величие, и торжество.
Дестана избавь от оков, протяни
Длань милости, ненависть прочь отгони!»
Бехмен Пешутеновой речью смущен,
В содеянном искренне кается он.
Клич кликнуть велит перед царским шатром:
«Герои, чьи души влекомы добром!
Домой возвратиться вам время пришло,
10780 Чинить перестаньте насилье и зло».
Он Заля избавить велит от оков,
Немало сказав примирительных слов.
Гробница воздвигнута, в ней Ферамарз, —
Исполнен дестура благого наказ.
А Заль из темницы вернулся к себе,
И слышит он горестный плач Рудабе:
«О где ты, Могучий, о где ты, Ростем,
Великий воитель, чей прадед Нейрем!

Тебя почитали и войско, и знать,
 10790 Гоштаспа-царя не хотели и знать.
 А ныне все отнято, Заль оскорблен,
 Твой первенец милый стрелами пронзен.
 Кого постигал столь жестокий удар!
 Будь проклят навеки злодей Исфендьяр!»
 Стенания эти услышал Бехмен,
 Услышал их также дестур Пешутен.
 Он дрогнул от плача того и поник,
 Стал воска желтей опечаленный лик.
 Бехмену сказал он: «О царь молодой,
 10800 Прекрасный как месяца диск золотой!
 Отсюда с зарей уведи свою рать,
 Негоже здесь дольше тебе пребывать.
 Пускай не коснется венца твоего
 Злой глаз, да изведает лишь торжество!
 У Заля, наследника Сама, в дому
 Теперь оставаться тебе ни к чему».
 Едва над горами зажегся янтарь *,
 Пред замком забили в литавры, и царь,
 Покинув Забул, двинул войско в Иран —
 10810 Туда, где отважных воителей стан;
 Победно воссел на иранский престол,
 И край от его правосудья расцвел;
 Раздал подаянье и сердцем разыграл,
 Одних осчастливил, других покарал.

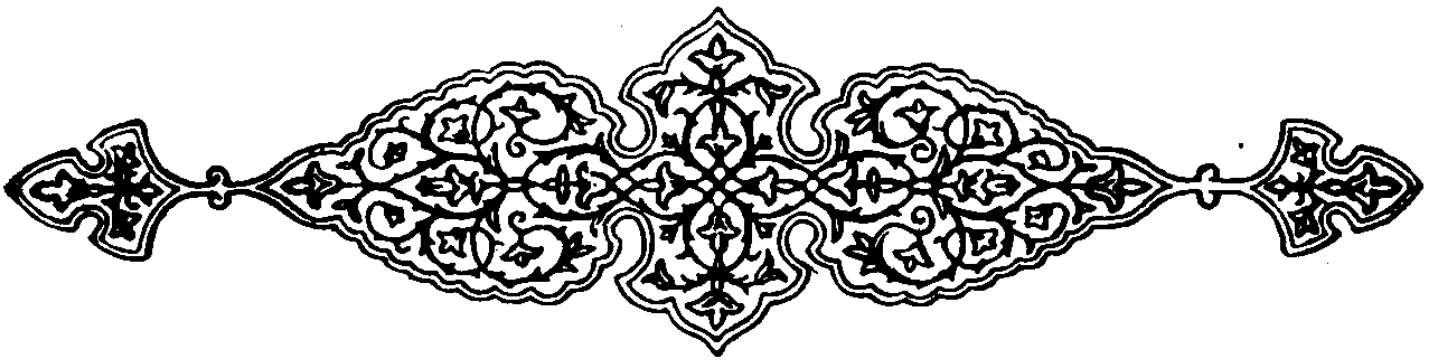
*[Бехмен берет в жены
 дочь свою Хомай
 и назначает ее престолонаследницей]*

Был сын-богатырь венценосному дан,
 Ему повелитель дал имя Сасан.
 Хомай звали дочь властелина — умна
 И щедро природою одарена.

А имя второе ее — Чехерзад,
10820 Бехмену красавица радует взгляд.
Решился взять в жены любимицу он *,
Как то дозволял пехлевийский закон.
И вскоре плод царской любви понесла
Супруга, что схожа с луною была.
Но стало ей тяжко, лишь месяц истек
Шестой. От печали Бехмен занемог.
Когда его к ложу недуг приковал,
Хомай, молодую жену, он призвал,
Воссесть на престол кеянидов велит
10830 И, знатных собранье созвав, говорит:
«Была Чехерзад мне отрадою, но
Недолгое было нам счастье дано.
Ей ныне вручаю престол и страну,
И бранное счастье, и рать, и казну.
Считайте наследницей только ее.
Когда же родит она чадо свое,
Родится ли сын или дочь — станет впредь
Венцом и престолом Ирана владеть».
Услышав решенье отца, обуян
10840 Безудержным гневом царевич Сасан.
Обидой пылая, он кинулся прочь,
Иран покидая, скакал во всю мочь.
Три дня был в пути. Опечален и хмур,
С четвертой зарею вступил в Нишапур.
Там выбрал из знатного рода жену,
Любил во всем мире ее лишь одну,
Но имя отцовское втайне держал,
Кеянское происхожденье скрывал.
Красавица сына ему родила,
10850 Видна в нем царева порода была.
Дал первенцу имя Сасана отец *,
И вскоре постиг его смертный конец.

Шли годы, и отроком юноша стал,
Но в доме родном лишь нужду испытал.
К царю Нишапура пришел он тогда,
Просил ему царские вверить стада.
И долго скитался он, став чабаном,
То в горной глуши, то в безлюдье степном.
Теперь возвращусь я к царице Хомай,
10860 Что после Бехмена возглавила край.

ХОМАЙ

*[Царствование Хомай
длилось тридцать два года]*

*[Хомай вверяет своего сына
водам Евфрата]*

Когда от недуга угас Эрдешир *,
Недолго был трон бесприютен и сир.
Хомай возложила венец на чело,
И все с той поры по-иному пошло.
Дверь каждому витязю отворена,
Для щедрых даяний открыта казна.
Умом и Бехмена Хомай превзошла,
Рачительна и справедлива была.
Собранье созвав, обратилась к мужам:
10870 «Да блещет венец наш на зависть врагам!
Лишь добрые будем деянья вершить,
Вреда и насилья не станем чинить.
Мы всех, кто трудом добывает своим
Себе пропитание, обогатим,
И знатные, те, что владеют казной,
Обиды не примут от нас ни одной».
Уж близится время родин, но народ
Не знает, когда это время придет.

По нраву царице на троне сидеть,
10880 Великой и славной державой владеть.
Вот сына на свет народила она *,
Но весть эту добрую скрыла она.
Достойную сына кормилицу мать
Спешит среди прислужниц своих отыскать,
И вверен заботам кормилицы той
Державного древа побег молодой.
А всем на вопросы ответ лишь один:
«Родился, но умер в младенчестве сын».
Сама же царит, увенчавши чело,
10890 Звезда венценосной сияет светло.
Лишь только вражду к ней чужая страна
Проявит — в бой рать посылает она.
В пределах огромного царства всего
Не скрыто от взоров ее ничего.
Умна, прозорлива на диво Хомай,
И правит страной справедливо Хомай.
Сердцам стали чужды унынье и страх,
Владычицы имя у всех на устах.
Но сыну девятый уж месяц, лицом
10900 Стал схож он с Бехменом, венчанным отцом.
Царица призвать древодела спешит,
Сыскать ему доски посуше велит,
Сундук из досок смастерить попрочней
И щели меж них залепить поплотней
Растопленным воском, душистой смолой,
Внутри обтянуть златотканной парчой.
Вот послано мягкое ложе, потом
Рубины и яхонты спрятала в нем
Царица и много монет золотых,
10910 Смешав с изумрудами, с жемчугом их,
И царский к руке прикрепила алмаз
Младенцу. Веленью Хомай покорясь,

Кормилица добрая, плача, грустя,
Выносит объятое дремой дитя;
С любовью склонясь, уложила его,
Китайской тафтою укрыла его.
Захлопнули крышку, скрепили смолой,
Смешав с нею мускус и воск, и алой.
Лишь только погас светоч ясного дня,
10920 В путь двинулись тайно, молчанье храня.
И вот уже воды Евфрата близки,
И брошен младенец в объятья реки.
Два стража шли берегом невдалеке,
Следили, что станет с младенцем в реке,
Едва поспевали они: словно челн,
Стремительно неся сундук среди волн.
Заря над горой уж вставала, как вдруг
Застрял, на преграду наткнувшись, сундук.
Газеры, затеяв одежды мытье *
10930 На быстрой реке, запрудили ее.
И некий газер, увидав сундучок *,
Его из воды торопливо извлек,
Раскрыв и покровы откинувши, он
Увиденным ошеломлен, восхищен.
Покров опустив, мчится мойщик одежд
Домой, очастливлен, исполнен надежд.
Тут стражи вернулись к царице — о том
Поведать, что случилось в реке с сундучком.
Велит им царица, чей разум остер:
10940 «Все втайне храните, что видел ваш взор!»
Меж тем, бережлива, порядку верна,
Газера укором встречает жена:
«К себе с недосохшей одеждой спеша,
Смотри, не получишь за труд ни гроша».
Несчастье пред тем посетило их вдруг —
Унес их младенца смертельный недуг,

И мать удрученная ночью и днем
Все плакала, все убивалась по нем.
«Утешься, — газер отвечает ей, — впредь
10950 Уж в пламени горя не станешь гореть.
Поведаю тайну — ее обещаю
Хранить. О супруга, рассказу внимай:
То место привычное знаешь ведь ты,
Где бьем мы, газеры, о камень холсты.
Вот там я сундук проплывавший в реке
Поймал и увидел дитя в сундуке.
Как только малютку увидишь сама,
Ты будешь, поверь, от него без ума.
Теперь уж погибшего сына грешно
10960 Оплакивать нам. Видно, так суждено!
И сын тебе послан нежданно судьбой,
И клад, что заблещет сейчас пред тобой».
Одежды сырые он наземь сложил,
Заветный сундук пред женою раскрыл,
И небо возблагодарила она,
Найденыша прелестью поражена.
Сиял его лик на китайской тафте,
С Бехменовым схожий в своей красоте.
Осыпали ложе и радуют глаз
10970 Где — жемчуг, где — яхонт, где — ясный алмаз,
Червонное золото тут же блестит
И алого лаала сиянье слепит.
И женщина ласково кормит дитя,
Души утешение вновь обретя, —
Ведь был богоданный младенец ей мил,
А клад благоденствие дому сулил.
Сказал ей супруг: «До скончания дней
Да будет сей отрок нам сына родней
И жизни дороже! Кто б тайну постиг?
10980 Быть может, он отпрыск венчаных владык».

И стала жена за младенцем ходить,
Лелеять его, как родного растить.
День третий настал, и дитя нарекли *
Дарабом — его ведь из волн извлекли.
Однажды к газеру подходит жена,
И речь с ним такую заводит она:
«Что делать с алмазами станешь? Хранить
Их где? У кого бы совета спросить?»
Ответ был: «По мне, дорогая жена,
10990 Сокрытому кладу горсть праха цена.
В края, где никто нас не знает, уйдем *,
В достатке и радости там заживем!»
Наутро газер вместе с верной женой
Без грусти покинул свой город родной;
Приемного сына с собой он берет
И груз драгоценностей тайно везет.
Фарсангов отъехавши за шестьдесят
И первый избрав приглянувшийся град,
Газер в этом граде возвел себе дом
11000 И стал с домочадцами жить богачом.
По замкам окрестным и по городам
Алмазы свои рассылал он князьям,
Одежды и злато в обмен получал,
И таять уж клад драгоценностей стал.
Лишь царский алмаз, что блестел на руке
Младенца, хранился еще в сундуке.
Дом — полная чаша, довольна жена,
Газеру однажды сказала она:
«Богатство большое к нам в руки пришло,
11010 К чему же трудиться? Оставь ремесло!»
На то отвечает ей дома глава:
«О мудрая, эти запомни слова:
В умелых руках лучший клад — ремесло,
Что с ним в целом мире сравниться б могло?»

Дараба расти среди нежных забот, —
Быть может, награду судьба нам пошлет».
В газеровом доме Дараб расцветал,
Коснуться и ветер его не дерзал.
И вот уже несколько лет пронеслось,
11020 Он отроком сильным и смелым возрос.
Невмочь было сверстнику ни одному
В борьбе нанести поражение ему.
Однажды от всех он отбиться сумел,
Противников многих один одолел.
Газер недоволен питомцем своим
И часто, невольной тревогой томим,
Ему говорит: «Мыть одежды учись,
Свой хлеб ремеслом добывать не стыдись!»
Но склонности отрок к труду не являл,
11030 И горькие слезы газер проливал.
То в городе, то на просторе степном
Искал его, спрашивал встречных о нем.
Однажды застал его с луком в руке,
В нем все говорило о метком стрелке.
Лук вырвал газер, стал Дараба бранить:
«Мне впору тебя лишь с волчонком сравнить!
Что к луку и стрелам с младенческих лет
Ты рвешься, ужель в тебе разума нет?»
«Отец! — слышен отрока-богатыря
11040 Ответ, — честь мою умаляешь ты зря.
К ученым сведи меня, в храме Огня
Пускай Зенд-Авесте обучат меня.
С тобою тогда длить не стану я спор,
Подмоги не жди от меня до тех пор.»
Газер укорять стал Дараба, а сам
Отвел его все же к ученым мужам.
Вот юноша знаньями обогащен,
Попреки не слышит уж более он.

«Отец, — говорит он, — тебе не солгу,
11050 Газером я быть все равно не смогу.
О будущем ты не печалься моим,
Дозволь, стану всадником, храбрым бойцом.»
Наставник для отрока найден благой,
Муж славный, искусный в езде верховой.
И долго Дараба учил он всему,
Что в битвах могло пригодиться ему:
С копьем и щитом, опершись на луку,
Поводья коня повернуть на скаку,
11060 Спасись от врагов, их в бою одолеть,
Човганом и луком искусно владеть,
И вскоре воителем стал он таким,
Что в битве и барсу не сладить бы с ним.

*[Дараб узнает от жены газера
о своем происхождении
и вступает в войну с Румом]*

Однажды газер слышит юноши речь:
«Хоть это стараюсь я втайне сбережь,
Любви не питаю к тебе и лицом
С тобою не схож, хоть слынешь ты отцом.
Дивлюсь, когда сыном зовешь ты меня
И в лавку ведешь с наступлением дня».
«Так вот благодарность! — он слышит в ответ, —
11070 Как жаль, что трудился я зря столько лет!
Коль выше твой род, — принимайся искать
Отца! Тайной этой владеет лишь мать.»
Однажды, при утреннем встав холодке,
Стиральщик одежд устремился к реке.
Дараб, тут же накрепко двери замкнув
И руку к мечу своему протянув,
Сурово газеровой молвит жене:
«Признайся, всю правду поведай ты мне!

Рожден от кого я, вам кем прихожусь,
 11080 Почто у газера в дому нахожусь?»
 И просит пощады газера жена,
 К защите Йездана взывает она,
 И слышит Дараб: «Если жизнь посулишь
 Оставить, — признаюсь во всем, как велишь».
 Все женщина юноше после того
 Поведала, не утаив ничего,
 Про то, как сундук им попался в реке,
 Про спрятанный клад и дитя в сундуке.
 Сказала: «Мы жили трудом своих рук,
 11090 Нам знатных людей недоступен был круг.
 Вознесшись от низкой к высокой судьбе
 С твоею подмогою, ныне тебе
 Душою и телом мы принадлежим,
 Готовы внимать повеленьям твоим».
 Речь выслушав эту, Дараб изумлен,
 О доле своей призадумался он
 И просит: «Остаток сокровищ верни,
 Когда не истрачены вовсе они, —
 Могли б они выручить нынче меня,
 11100 Купил бы на них боевого коня».
 Ответила: «Нет, не истрачен весь клад —
 Остались дирхемы, есть пашни и сад».
 Нетронутый жемчуг на свет извлекла,
 Сполна все динары она отдала,
 И куплен на них был скакун боевой
 С арканом, с дешевым седлом, с булавой.
 Округою правил в ту пору глава
 Достойный, его прославляла молва.
 В путь тронулся тотчас Дараб и пред ним
 11110 Предстал, неотступною думой томим.
 Радушно, с почетом он принят. Живет
 При князе, от всех огражденный невзгод.

Но долго покой не пришлось им вкушать —
Напала на город румийская рать.
В сраженье кровавом пал доблестный князь,
В смятенье дружина его разбрелась.
О том, что захвачен румчйцами край,
Услышала вскоре царица Хомай.
Зовет предводителя рати своей —
11120 Вождя Рошневада, из рода вождей,
Велит против Рума войною идти,
Врагам разоренье и гибель нести.
Бойцов он скликает и счет им ведет,
И всем снаряженье и мзду раздает.
Услышав об этом, Дараб просиял,
И вождь меж других его имя вписал.
Немало дружин отовсюду сошлось,
Несметное зойско из них собралось.
Дворец покидает царица, и с ней
11130 Собранье достойных вождей и князей.
Пред ней, выкликаемым по именам,
Проследовать должно вождям и бойцам.
Лихие дружины одна за одной
Прносятся мимо по шире степной.
А вот и Дараб при копье и мече
Летит с булавою стальной на плече.
Сказал бы, всю степь он собой заслони́л,
Всю землю скакун его заполонил.
Хомай загляделась на гордую статью
11140 Дараба — сказал бы, проснулась в ней мать.
Спросила: «Откуда сей витязь благой,
Наездник могучий и ладный такой?
Отвагой и силой затмил бы он всех *,
Но лучший ему подобает доспех».
Вслед смотрит Дарабу, душой смущена.
Окончился смотр, им довольна она.

Согласно знаменьям небесных светил
 День выбрав благой, как обычай учил,
 Совета спросив у вождей, сипехбед
 11150 В поход боевой двинул войско чуть свет.
 Лазутчиков выслав, им все разузнать
 Велит про румийскую землю и рать.
 Печется о нуждах бойцов, и вперед,
 На счастье надеясь, он войско ведет.
 Идет от стоянки к стоянке оно,
 От пыли клубящейся небо черно.

*[Рошневад узнает правду
 о Дарабе]*

Нежданно злой вихрь налетел. Рошневад,
 Тревогой охваченный, жизни не рад.
 Громов грохотанье над ширью степной
 11160 И молний сверканье, и дождь проливной.
 Дружина, защиты ища от дождя,
 Разбила шатры по веленью вождя.
 Невмочь и Дарабу тут стало, и, рать
 Покинув, спешит он приют отыскать.
 Решился, развалины видя в пути,
 Под аркой высокой приют обрести,
 Хоть ветхой от времени стала она,
 Ветрами и ливнями источена.
 Меж тем Рошневад, свою рать обходя *,
 11170 Развалин достиг. Донеслось до вождя
 Стенание чье-то. Так скорбен был стон,
 Что дух сипехбеда им был омрачен.
 Он слышит: «Не падай, ветшающий свод,
 Владыку Ирана спаси от невзгод!
 Ни друга я здесь, ни шатра не найду,
 Лишь ты отведешь от скитальца беду».
 «Должно быть, — себе говорит Рошневад, —

Вой ветра я слышу иль грома раскат.»
Но вновь из развалин доносится зов:
11180 «Будь бдительным стражем, о верный мой кров!
Ты сына царя Эрдешира хранишь,
Пред натиском ливня не дрогни, смотри ж!»
И голос тот в третий он раз услышал,
И сердце таинственный страх ему сжал.
Лазутчиков шлет: «Кто бы мог это быть? —
Сказал. — Поспешите под своды вступить,
Узнайте, кто в бурю под ними лежит,
Кто жизнью бесценною не дорожит?»
Пришли и увидели — муж молодой,
11190 Воитель достойный на вид и благой
Покоится рядом с издрогшим конем,
Промокла — хоть выжми — одежда на нем.
Сказали о том, к Рошневаду придя,
От жалости дрогнуло сердце вождя.
«Зовите! — сказал, — пусть приблизится он!
Нет мочи мне слышать столь горестный стон.»
Вернулись и будят: «Что спишь на земле!
Очнись же!» И вот уж воитель в седле.
Отъехал — и рухнул тут свод вековой,
11200 И витязя минул конец роковой.
Дивится спасенью тому Рошневад,
Бойца разглядев от макушки до пят,
В шатер свой уводит, а сам все глядит.
«Творец! — про себя в изумленье твердит. —
Подобного чуда никто не видал,
От старцев и то о таком не слыхал.»
Велит он покров потенлее достать,
В шатре для спасенного ложе постлатъ.
Огромный костер развели пред шатром,
11210 Жгут ладан и мускус, и амбру на нем.
Лишь первый успел над горою блеснуть

Луч солнца, — всем велено выступить в путь.
 Несет облеченный доверьем мобед
 Богатый убор — так велит сипехбед —
 И панцирь с булатом в ножнах золотых,
 Ведет скакуна в стремях золотых.
 Все это Дарабу вручив, спросил
 Потом Рошневад: «Муж, исполненный сил!
 Ты кто и свой род от кою ты ведешь?
 11220 В ответе твоём не услышать бы ложь».
 Поведал Дараб сипехбеду тому
 Все то, что открылось ему самому.
 Вскормившей его повторяет рассказ,
 Ему предводитель внимает, дивясь.
 Про золото, жемчуг, покров из парчи,
 Алмаз, изливающий чудо-лучи,
 Про дом, где младенцем обрел он приют,
 Подробно поведал воитель. И тут
 Посланцу велят быть готовым к пути;
 11230 Наказ ему дан поскорей привезти
 Газера Бехрама с женою Зохре;
 И рьяный гонец ускакал на заре.

[Битва Дараба с румийцами]

Отправил гонца сипехбед и в поход
 На землю румийскую войско ведет.
 Дарабу он вверил дозор. Смельчаки
 Отравой своей напитаи клинки.
 И к Руму несутся, отваги полны.
 Рать вывел навстречу владыка страны.
 Два войска на поле широком сошлись,
 11240 Над ним темной пыли столбы поднялись.
 В неистовой схватке смешались войска,
 И хлынула крови багровой река.
 Дараб лишь почувствовал боя накал,